

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2021, №1, Том 12 / 2021, No 1, Vol 12 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2021.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK121.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Режапова И.М. «Деревенская проза» как ключ к пониманию России зарубежной критикой // Мир науки.

Социология, филология, культурология, 2021 №1, <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK121.pdf> (доступ свободный).

Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Rezhapova I.M. (2021). "Village prose" as a key to understanding Russia by foreign criticism. *World of Science.*

Series: Sociology, Philology, Cultural Studies, [online] 1(12). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK121.pdf> (in Russian)

УДК 82-95

ГРНТИ 17.09

Режапова Ирина Михайловна

ФКОУ ВО «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний», Новокузнецк, Россия
Доцент кафедры «Гуманитарных, социально-экономических и естественнонаучных дисциплин»

Кандидат филологических наук

E-mail: rezhira4@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9405-504X>

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=946747

«Деревенская проза» как ключ к пониманию России зарубежной критикой

Аннотация. В статье приводится обзор основных подходов зарубежных критиков к исследованию «деревенской прозы» как самого влиятельного направления советской литературы 1960–80-х годов. С появлением таких значительных произведений как «Братья и сестры», «Деревянные кони», «Матренин двор», «Привычное дело», «Последний срок», стало ясно, что их объединяет не только деревенская тематика, но и особое обостренно-нравственное отношение к миру. Автор указывает на основные особенности восприятия творчества писателей-деревенщиков на Западе.

Автор обращает внимание на то, что зарубежные исследователи следили не только за выходом произведений деревенской прозы, но и за литературными дискуссиями, которые они провоцировали. В целом, годы, известные как период расцвета русской деревенской прозы, стали также временем всплеска критической мысли в СССР и, в целом, подъема национального самосознания во второй половине XX века.

Подчеркивается, что в эпоху закрытости Советского Союза произведения именно этого направления в значительной степени способствовали созданию образа русского национального мира на Западе. По мнению некоторых иностранных исследователей, значимой была не столько сама деревня, сколько разрыв между городом и деревней, их противостояние и влияние на людей. Они отмечают также, что никакой другой период во всей истории русской деревни не характеризовался такими потрясающими изменениями, как период, наступивший после революции. Процесс трансформации общества из патриархального в индустриальное, стремительные темпы урбанизации, смена культур порождали острейшие разногласия. Для лет индустриализации и урбанизации характерно было то, что традиции разрушались, не успевая смениться другими, поколения отцов и детей оказывались разделенными не годами, а целыми историческими эпохами.

Автор подчеркивает значительную роль англоязычной литературоведческой критики в расширении диалога о русской традиционалистской прозе. Популяризуя «деревенскую прозу» за рубежом как преемницу традиций русской классической литературы, западные исследователи доказывали, что русская культура, всегда бывшая источником вдохновения для других стран, не прекратила своей миссии и в советское время.

Ключевые слова: направление советской литературы; деревенская проза; англо-американская славистика; англоязычная литературоведческая критика; патриархальное общество; индустриализация; урбанизация; национальное самосознание; образ русского национального мира

Введение

Масштабы влияния «деревенской прозы» на русскую литературу советского периода до сих пор не до конца изучены. Зарубежная критика называла эту прозу преемницей традиций русской классической литературы. По-прежнему не утихают споры о влиянии «деревенской прозы» на возрождение национального самосознания во второй половине XX века. И в современное время появляются исследования, посвященные этому литературному направлению, которые свидетельствуют о повторном критическом осмыслении «деревенской прозы». Уникальность этого культурного явления признается всеми исследователями как у нас в стране, так и за рубежом. Возрождение интереса к ней после 2000 года подтверждает, что это явление, вышедшее на мировой уровень, является не только литературным, но и философско-этическим, нравственным и социально-историческим.

В то же время на фоне происходящих в настоящий момент политических обвинений о вмешательстве Кремля в выборы в США американские русисты вновь констатируют возросший интерес к России. Они также отмечают, что озабоченность Россией пока никаким образом не конвертируется в увеличение финансирования программ по русистике в американских университетах¹.

Многогранность русской литературы наиболее ярко проявляется в сопоставлении отечественной и зарубежной критики, в их диалоге. Количество англо-американских критических произведений, посвященных «деревенской прозе», представляет в настоящее время довольно значительный корпус литературы.

Результаты и их обсуждение

При изучении литературных явлений в русской «деревенской прозе» и англоязычной критической литературе применялись сравнительно-исторический и типологический методы изучения.

Русская «деревенская проза» как уникальное культурное явление нашей страны советского периода всегда привлекала к себе внимание исследователей. В книге «Икона и топор» известный советолог Дж. Биллингтон утверждает, что творчество писателей-«деревенщиков» стало основным движением в культуре России в 1970-х и начале 1980-х годов [1, с. 13]. Уже в 1960-е годы, когда были опубликованы такие произведения как «Братья и сестры», «Деревянные кони» Ф. Абрамова, «Матренин двор» А. Солженицына, «Привычное дело» В. Белова, «Последний срок» В. Распутина, стало ясно, что их объединяет

¹ Кошкин П. Русистика в США: из «академического гетто» в политический мейнстрим // rethinkingrussia.ru – URL: <https://rethinkingrussia.ru/2017/12/русистика-в-сша/> (дата обращения: 06.03.2021).

не только деревенская тематика, но и особое обостренно-нравственное отношение к миру². И уже тогда заговорили об общности этих произведений как об отдельном литературном направлении, название которому нашли не сразу. Многие исследователи признавали, что название «деревенская проза» не отражает всей глубины и значимости вопросов, поднимаемых в работах этого направления. На недостаток этого термина, который не затрагивал эстетической сущности художественных концепций, создаваемых с использованием деревенского материала, указывали такие исследователи как Е. Старикова, Г. Белая, Н. Шнайдман, Кэтлин Партэ, Эдвард Браун и др.³ Последующие годы, когда появились значительные работы таких авторов «деревенской прозы», как В. Белов, В. Астафьев, М. Алексеев, В. Распутин, были отмечены также подъемом отечественной критики этого идейно-эстетического течения. Литературные дискуссии по вопросам, поднимаемым писателями-деревенщиками, были достойны не меньшего внимания и в итоге способствовали росту национально-культурного самосознания в России.

Анализируя критико-литературоведческие работы англо-американских славистов по «деревенской прозе», можно понять, что они следили не только за выходом произведений и развитием нового литературного течения, но и за литературными дискуссиями ведущих советских критиков. Острые критические публикации в связи с появлением новых значительных произведений, свидетельствующие о влиятельности «деревенской прозы» на родине, вызывали несомненный интерес таких западных литературоведов, как Д. Гиллеспи, Дж. Хоскинг, К. Партэ и др.

Англо-американские исследователи отмечают значимость этой прозы в реабилитации таких понятий, как «деревня», «земля», «крестьянство» и возрождение интереса к национальной культуре [2, с. 4]. Деревенская проза сформировалась (еще начиная с программной статьи Ф. Абрамова и «Матрениного двора» А. Солженицына) в полемике с соцреалистическим изображением колхозной жизни⁴. В 1950–60-е годы, в отличие от колхозных романов, рассказывавших о неизменно успешном выполнении плана или удачном решении деревенских проблем и, чаще всего, рисующих «переход колхоза от неполного благополучия к полному процветанию» [3, с. 212], в этих произведениях была показана деревня с ее реальными проблемами, а их герои жили не только интересами колхоза, но и своими собственными. По мнению американского слависта К. Партэ, «деревенская проза» сыграла центральную роль в возвращении русской литературы к своим корням, в восстановлении достоинства и ценности русского крестьянства, его традиций, фольклора и всего того, что отвергалось в первой половине существования советской власти [4, с. 160].

Слависты признавали, что «деревенская проза» как уникальное явление советской литературы в значительной степени повлияла на создание образа «русского национального мира» для зарубежного читателя. В советский период, возможно, больший акцент делался на то, что в эпоху закрытости СССР (Союза Советских Социалистических Республик) именно эти произведения давали возможность увидеть национальное своеобразие и понять социально-исторические процессы, происходившие в России. Наша страна долгое время воспринималась иностранцами как страна аграрная и патриархальная. Все, кто интересовался Россией, не мог не отметить потрясающие, вызванные сменой исторических эпох, изменения в

² Чеканникова И.М. Русская «деревенская проза» в англо-американской славистике: дисс. ... канд. фил. наук: 10.01.01. – Томск, 2005. С. 78.

³ Чеканникова И.М. Русская «деревенская проза» в англо-американской славистике: дисс. ... канд. фил. наук: 10.01.01. – Томск, 2005. С. 79.

⁴ Большакова А.Ю. Феномен деревенской прозы (вторая половина XX в.): дисс. ... докт. фил. наук: 10.01.01. – М., 2002. – 403 с.

облике советской деревни в XX веке. Произведения художественной литературы давали читателю за рубежом порой слишком эмоциональные, субъективные, разрозненные впечатления, но, несмотря на это, по признанию многих западных критиков, создавали более достоверный и объективный образ жизни советского народа по сравнению со средствами массовой информации, дающими лишь мимолетные поверхностные знания о Советском Союзе [5, с. 5]. Это внимание способствовало возрождению интереса к нашей стране, о чем свидетельствуют многочисленные отзывы англо-американских критиков – от рецензий до монографий.

Литература на деревенскую тему даже во времена цензуры способствовала получению достоверных представлений о нашей стране и по крупицам, словно мозаику, создавала образ России. По убеждению английского литературоведа Дэвида Гиллеспи, корни этой прозы надо искать в русской литературе девятнадцатого века, особенно в произведениях Ивана Тургенева, Николая Лескова, Глеба Успенского, писавших на тему деревни и деревенской жизни [6, с. 29].

Американский историк Моше Левин называет деревню «живой ячейкой сельского общества России», информации о которой не так много. Он предостерегает западных ученых о том, что без знаний о деревне сложно понять не только принципы существования сельского общества, но и, возможно, нельзя понять в целом Россию. «Именно внутри деревенского сообщества осуществлялся институт семьи и труда, существовали социальная иерархия и внесоциальные ценности, добрососедские взаимосвязи – силы, которые поддерживали этот огромный сельский мир, формировали, сохраняли и, порой, охраняли Россию» [7, с. 16]. Другой американский исследователь, критик русской советской литературы Джеффри Хоскинг, делится наблюдением, что ещё до недавнего времени крестьяне составляли большую часть советского населения, а сельскохозяйственные проблемы были одной из главных тем выступлений политических лидеров [8, с. 50].

В то же время Хоскинг предполагает, что значимой для советских писателей была не столько сама деревня, сколько разрыв между городом и деревней, их противостояние и влияние на людей. Он отмечает, что никакой другой период во всей истории русской деревни не характеризовался такими потрясающими изменениями, как период, наступивший после революции. Процесс трансформации общества из патриархального в индустриальное, стремительные темпы урбанизации, смена культур породили острейшие разногласия.

Джеффри Хоскинг считает трагедией то, что, внутренне переориентировавшись на городской образ жизни, сельский мир утратил согласие с самим собой. Этот процесс является по существу мировым, но в России он протекал не только с огромной, а катастрофической для множества личных судеб скоростью: традиции разрушались, не успевая смениться другими, поколения отцов и детей оказывались разделенными не годами, а целыми историческими эпохами. Дж. Хоскинг особо выделяет важнейшие для России годы индустриализации и урбанизации. У него не вызывает сомнения тот факт, что именно в эти годы было уничтожено многое, характерное для крестьянской жизни. То, как проходила коллективизация, конечно, сделало этот переход ещё острее, чем в других странах. В то же время английский критик утверждает, что «коллективизация вместе с войной и политическими гонениями фактически сохранила определенные аспекты крестьянской жизни больше, чем это могло бы быть, например, при более мягком развитии» [8, с. 51]. По образному выражению Дж. Хоскинга, разрушив с помощью коллективизации остов крестьянского образа жизни, советское государство поставило то, что осталось, в холодный «погреб», чтобы сосредоточиться на других аспектах общественного и экономического развития [8, с. 51]. Не останавливаясь подробно на том, что происходило в годы коллективизации в деревне, Дж. Хоскинг, тем не менее, отмечает, что потрясения, социальные и политические перевороты всегда были несчастьем для России. За сухой констатацией факта скрыты трагедии судеб миллионов

крестьян, раскулаченных, уничтоженных или пытавшихся бежать от голода начала 1930-х годов, которых власти водворяли на прежнее место жительства.

Одна из исследовательниц русской литературы, Розалинд Марш, считает, что роль литературы в привлечении общественного внимания к важным темам неопределима [9, с. 74]. Как и некоторые другие западные ученые (Д. Гиллеспи, К. Партэ), она утверждает, что литература и культурные дискуссии сыграли более важную роль в «подготовке перестройки в умах людей», чем политическая идеология. Одной из горестных тем, вызывавших сильный душевный отклик у многих, была тема коллективизации и художественная проза на эту тему, опубликованная только в конце 1980-х годов. По словам Р. Марш, о случаях противостояния крестьян коллективизации в конце 1920-х годов стало известно только с приходом гласности. В своей книге она приводит, например, выдержки из письма М. Шолохова Сталину от 18 июня 1929 года, протестующего против положения крестьян на Дону и описание Б. Пастернаком «бесчеловечной доли» крестьян в 1930-х годах [10, с. 74]. Самыми известными произведениями на эту тему, по мнению Р. Марш, стали романы «Мужики и бабы» Б. Можаяева и «Кануны» В. Белова.

Эти романы, подготовившие почву для других значительных работ 1987–1988 гг. – третьей части «Канунов» В. Белова и «Оврагов» С. Антонова, – внесли значительный вклад в новое толкование коллективизации в СССР. По мнению Р. Марш, в этих произведениях авторы показали то, что раньше замалчивалось: горькую безысходность положения крестьян, вызванную насильственной коллективизацией и жестокими методами подавления бунтов; чудовищные последствия раскулачивания тех крестьян, которые больше других работали и поэтому нажили какое-то имущество [10, с. 74]. Американская исследовательница утверждает, что Можаяев, Белов и Антонов совершенно иначе интерпретируют понятие «кулацкий класс», предполагая, что крестьяне, которые смогли разбогатеть, просто были более трудолюбивы и обладали способностью к предпринимательству и поэтому представляли самую сильную и динамичную прослойку русского села. В работах этих писателей показана недалёковидность и даже глупость властей, уничтожающих людей, которые могли внести огромный вклад в развитие советского сельского хозяйства. Тем самым Борис Можаяев подрывает социальную основу политики массовой коллективизации, подчеркивая тот факт, что не только так называемые «кулаки», но и многие честные и разумные крестьяне со средним достатком, «середняки», предпочитали зарезать свой скот и сжечь дом политическому сотрудничеству с новой властью.

В то же время Розалинд Марш считает, что у творчества Б. Можаяева, В. Белова и С. Антонова есть негативные последствия. Самым отрицательным качеством их прозы она называет подчеркнутый национализм, выразившийся в наивной идеализации деревни, существовавшей до коллективизации, и элегическом оплакивании русской православной веры [10, с. 74].

По убеждению некоторых западных критиков, всё, написанное о русской деревне, имело скрытый подтекст – говорило о её материальном состоянии. Американский русист Деминг Браун настаивает, что в литературе о русской деревне периода конца 1950-х до середины 1970-х годов есть две основные и тесно связанные между собой темы. «Первая – это забота об экономическом благосостоянии и социальных условиях в деревне, которая отражена в ежегодных подробных правительственных отчетах об организации колхозной работы, а также изучение крестьянства как социального слоя, психологии и устремлений сельских жителей. В круг этих проблем входит также протест, явный или скрытый, против условий, в которых аграрный сектор вынужден существовать» [11, с. 251]. Многие слависты считали низкий социально-экономический уровень жизни в селе последствием той политики, которую

проводило советское государство. Например, К. Кларк заявляет, что «сельское хозяйство всегда было «ахиллесовой пятой» экономики Советского Союза» [12, с. 17].

«Вторая озабоченность связана с культурным и историческим наследием, с сохранением народных традиций, ценностей и обычаев, русской старины и культурных памятников» [11, с. 251]. Что касается второй проблемы, по убеждению Д. Брауна, она была националистической по ориентации, так как представляла, по большому счету, поиск ценностей, которые смогли бы заменить марксистско-ленинскую идеологию, вполне очевидно не удовлетворяющую больше многие основные духовные потребности русских [11, с. 251].

Еще одно интересное мнение о положении крестьян в советский период выражает Виктория Данхэм. В книге о меняющихся ценностях в советском обществе она делится с американским читателем мыслями о том, что, на ее взгляд, отношение к советской деревне напоминало отношение к колониальной стране. Вместо того чтобы создавать программы, направленные на помощь колхозникам, государство лишь ужесточало контроль, призванный выжать из них все, что возможно [13, с. 225].

Катерина Кларк одна из первых в среде американских славистов обращает внимание на то, что любое объяснение популярности деревенских тем в советской литературе нужно искать все же на уровне более глубоком, чем политический. Под «деревней» советской литературы она понимает не столько «реальную деревню с навозом, грязью, церквями и банями, сколько воображаемый мир, в котором можно исследовать вечные нравственные и практические вопросы» [12, с. 20]. Таким образом, не вызывает сомнения, что К. Кларк, изучавшая утопию соцреализма, считает утопией и «деревенскую прозу», называя мир, который в ней изображен, воображаемым.

Стараясь понять причины возрастающего внимания к деревне как к объекту литературы, Д. Браун приходит к выводу, что многие в тот период в поиске устойчивых национальных ценностей обратились к крестьянству как к источнику нравственного возрождения. Изображая невероятные трудности, лишения и беды, постигшие деревню, с точностью, граничащей с натурализмом, писатели в то же время показывали русский характер, которому свойственны такие черты, как совесть, выносливость, жизнестойкость, природная смекалка. Американский славист с восхищением замечает, что на эти качества крестьянского характера не повлияли ни революция, ни другие беды. Чувствуя, что культурные и нравственные ценности русской деревни должны стать главным фактором в решении современных советских проблем, авторы произведений сельской литературы доказывали абсолютную необходимость сохранения народных традиций [11, с. 220].

Один из современных исследователей русской литературы, английский критик Дэвид Гиллеспи, также не чужд анализу текстов «деревенской прозы» с точки зрения социально-исторических процессов, происходивших в российской деревне. Он рассматривает характер русского человека на примере главного героя повести Василия Шукшина «Калина красная». По мнению Д. Гиллеспи, Егор Прокудин, представляющий один из типов русской мужественности, – фигура трагическая. Прежде всего потому, что он всем чужой. И страдания его связаны с тем, что он ощущает свою отчужденность, но ничего не может с этим сделать. Как профессиональный преступник он отчужден от общества, от социальных норм поведения. Он так давно не жил нормальной законопослушной жизнью, что, попав в это общество, он не знает, как себя вести. Он словно примеряет на себя разные образы. Д. Гиллеспи утверждает, что отчуждение Егора Прокудина, потеря им самоидентичности, показаны с помощью нескольких вариантов его имени. Он и Егор, и Жорж, и Жоржик, и Горе (блатная кличка с символическим значением), и Георгий, и Егорушка, как называет его Люба. Несмотря на то, что сам он крестьянского происхождения и родом из деревни, Егор не знает деревенских обычаев и правил общежития. Это прекрасно показано в случае в бане, когда он на просьбу Петра

плеснуть кипятком, плещет его ему на спину, а не на камни. Приехав в деревню к женщине, с которой он переписывался в колонии, он вдруг постепенно «отогревается», видя человеческое внимательное отношение к себе и понимая, что эти люди действительно могут стать его семьей. Но решив порвать с криминальным прошлым и начав работать в колхозе, он становится чужим и для членов своей бывшей преступной банды. Егор Прокудин – чужой даже для собственной матери, которую он не видел много лет. Он и сам демонстрирует свою отчужденность, надев черные очки, отказываясь признаться матери, что он ее сын. Когда он едет в город в поиске «праздника для души», он одевается соответственно его представлениям. Мотив одевания в разные одежды – явный показатель поиска своей идентичности. В финальной сцене, когда он едет на тракторе, демонстрируя, таким образом, свою связь с землей, кажется, что он воссоединился с обществом, но его убивает главарь банды. Символично, что здесь он одет в одежду «крестьянина», за что осмеян Губошлепом. И только с приходом смерти он обретает связь с землей: «И лежал он, русский крестьянин, в родной степи, вблизи от дома» [6, с. 220].

Д. Гиллеспи считает, что на примере Егора Прокудина Шукшин показывает трагедию многих деревенских жителей, оторванных от своих корней еще в раннем возрасте, жертв социально-исторических процессов XX века. Английский критик считает героя повести Егора Прокудина мучеником, и в то же время символом эпохи.

Заключение

Таким образом, зарубежные литературоведы продолжают исследовать «деревенскую прозу» в настоящее время и находить все новые и новые объекты изучения. Сегодня корпус англоязычной литературоведческой критики «деревенской прозы» настолько представительен, что можно говорить о её значительной роли в расширении диалога о русской традиционалистской прозе. Популяризуя «деревенскую прозу» за рубежом как преемницу традиций русской классической литературы, западные исследователи доказывали, что русская культура, всегда бывшая источником вдохновения для других стран, не прекратила своей миссии и в настоящее время⁵.

⁵ Чеканникова И.М. Русская «деревенская проза» в англо-американской славистике: дисс. ... канд. фил. наук: 10.01.01. – Томск, 2005. С. 192.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биллингтон Дж. Икона и топор. – М.: Изд-во «Рудомино». – 2001. – 880 с.
2. Parthe, Kathleen F. Russian Village Prose: The Radiant Past. Princeton: Princeton University Press. – 1992. – 194 p.
3. Абрамов Ф. Люди колхозной деревни в послевоенной прозе // Новый мир. – 1954. – № 4. – С. 210–231.
4. Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое / Пер. И.М. Чеканниковой и Е.С. Кириловой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 204 с.
5. Florinsky, M. Preface // Russian Literature since the Revolution. By E.J. Brown. – 1982. – 430 p.
6. Gillespie, D. Vasily Shukshin's Discourse and Exploration of Russian Masculinity // Язык и культура. – 2017. – №37. – С. 29-34.
7. Levin Moshe. The making of the Soviet system: Essays in the social history of interwar Russia / Moshe Lewin; With a new pref. by the auth. – New York: New York press, 1994. – XI, 354 p.
8. Hosking, Geoffrey. Beyond Socialist Realism: Soviet Fiction Since "Ivan Denisovich". L. Toronto – etc. 1980.
9. Marsh, R. Soviet Fiction Since Stalin: Science, Politics and Literature. New Jersey: Barnes & Noble Books. – 1986. – 338 p.
10. Marsh, R. Collectivization and the Repression of the Peasantry // History and Literature in Contemporary Russia. New York. – 1995. – P. 74–83.
11. Brown D. Soviet Russian Literature Since Stalin. Cambridge: Cambridge: Cambridge University Press. – 1978. – 394 p.
12. Clark K. The Soviet Novel. History as Ritual. Chicago: University of Chicago Press. – 1985.
13. Dunham V. In Stalin's Time. Middleclass Values in Soviet Fiction. Cambridge. Cambridge University Press. – 1976. – 275 p.

Rezhapova Irina Mikhailovna

Kuzbass institute of the federal penitentiary system of Russia, Novokuznetsk, Russia

E-mail: rezhira4@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9405-504X>

РИИЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=946747

"Village prose" as a key to understanding Russia by foreign criticism

Abstract. The article provides an overview of the main approaches of foreign critics to the study of "village prose" as the most influential area of Soviet literature of the 1960–80s. With the advent of such significant works as "Brothers and Sisters", "Wooden Horses", "Matrenin Yard", "Familiar Business", "Last Term", it became clear that they were united not only by village themes, but also by a special aggravated moral attitude towards the world. The author points to the main features of the perception of the work of village writers in the West.

The author draws attention to the fact that foreign researchers followed not only the release of works of village prose, but also the literary discussions that they provoked. In general, the years known as the heyday of Russian village prose also became the time of the surge of critical thought in the USSR, and, in general, the rise of national identity in the second half of the 20th century.

It is emphasized that in the era of the closed nature of the Soviet Union, works of this particular direction significantly contributed to the creation of the image of the Russian national world in the West. According to some foreign researchers, not so much the village itself was significant as the gap between the city and the village, their confrontation and influence on people. They also note that no other period in the entire history of the Russian village was characterized by such amazing changes as the period that came after the revolution. The process of transforming society from patriarchal to industrial, the rapid pace of urbanization, the change of cultures gave rise to acute disagreements. The years of industrialization and urbanization were characterized by the fact that traditions were destroyed, not having time to change, generations of fathers and children were divided not by years, but by entire historical eras.

The author emphasizes the significant role of English-language literary criticism in expanding the dialogue about Russian traditionalist prose. Popularizing "village prose" abroad as a successor to the traditions of Russian classical literature, Western researchers proved that Russian culture, always a source of inspiration for other countries, did not stop missions in Soviet times.

Keywords: the direction of Soviet literature; village prose; Anglo-American Slavic studies; English-language literary criticism; patriarchal society; industrialization; urbanization; national identity; the image of the Russian national world